

Посольство государства Цин затихло — пришёл черёд волноваться другой стороне. Управляющий Шэн Хуайжэнь часто приносил вино, не преминуя при этом передать привет из Синьяна; Шэнь Чжун тоже несколько раз приглашал Фань Сяня встретиться снова, но Фань Сянь нашёл отличный предлог для отказа, поэтому Шэнь Чжун даже разгневаться на него не мог. Ещё и хоу Чаннин, страдая, что такой жирный кусок проносят мимо его рта, приходил к Шэнь Чжуну и слёзно упрашивал его поторопиться.

Между старшей принцессой и Шаншань Ху, возможно, и существовала определённая договорённость, но у Синьяна в Северной Ци не было глубоких корней, и ему постоянно требовалась помощь Контрольной палаты. Наконец под уговорами Фань Сяня Янь Бинъюнь согласился на его план и приготовился задействовать сплетённую за эти четыре года разведывательную сеть.

По вестям с юга внешне двор государства Цин был прочен, как скала, ни малейших признаков волнений, однако по отчётам Контрольной палаты на дороге Шаньдунлу за последнее время произошло несколько чрезвычайно подозрительных убийств. Хотя пострадали простые люди, но способ убийства был крайне жестокий. Эти дела в Министерстве наказаний так и остались нераскрытыми, поэтому их передали четвёртому отделу Контрольной палаты.

Фань Сянь не придавал особого значения этим убийствам, и Янь Бинъюнь тоже не обратил на них внимания, ведь у них обоих и так было слишком много головной боли от дел в столице, к тому же сейчас они были заняты планированием тайной операции.

Причина, по которой Фань Сянь отнекивался от всех приглашений на застолья, была весьма веской. Всё потому, что в последние два дня он постоянно общался с той самой деревенской девушкой, и с учётом статуса этой девушки никто, будь то Шэнь Чжун или хоу Чаннин, не посмел бы отбирать у неё гостя.

И сейчас юноша и девушка прогуливались по одному из столичных укромных переулков и непринуждённо болтали, вспугивая собирающих нектар в цветочных зарослях бабочек.

— Природа и есть Небо и Земля, Человек тоже есть Небо и Земля, а так называемое единство Неба и Человека означает, что дела человека должны брать за основу естественный путь Неба и Земли, человек должен жить в гармонии с природой.

— Гармония — это всего лишь внешнее проявление. Как господин Фань считает, единство Неба и Человека отличается ли чем-то от взаимопроникновения Неба и Человека?

— Оу, на этот счёт я не уверен, только знаю, что Человек берёт за образец Землю, Земля берёт за образец Небо, образец Неба — Дао, а Дао всегда естественно, отсюда и рождается гармония.

— Снова гармония?

— Гармония превыше всего.

— Господин Фань сегодня поведал оригинальную концепцию, Додо в восхищении. — Хотя она и была на словах в восхищении, но на деле всё так же держала руки в карманах и шла своей оригинальной шаркающей походкой. Её лицо оставалось спокойным, и она походила на ленивую тётушку, идущую по проспекту; в ней не было и следа восхищения.

Фань Сянь самоиронично потёр нос: как и во дворце в тот день, он симитировал шаркающую походку Хайтан, про себя радуясь, что поверхность дороги достаточно ровная, иначе бы народ засмеял их манеру ходить. Словно догадавшись, о чём он рассуждает, Хайтан сказала:

— Мне просто приятно так ходить. А что об этом думают окружающие, меня ничуть не волнует.

Фань Сянь немного поразмыслил и понял, что это очень метко сказано. Кому понравится делать лишние усилия, а ходить в такой манере действительно приятнее, чем задрать голову и выпятив грудь. Но если дело и правда в лени, то почему тогда просто не пойти и не улечься на кровать? Думая так про себя, на словах он естественно сказал:

— Как по мне, так лежать на кровати приятнее. Если барышня Хайтан согласится, то мы могли бы лёжа на кровати обсудить литературу, поговорить о жизни...

Хайтан глянула на него.

Фань Сянь немного смущённо заулыбался и не стал ничего объяснять. Как женщина эта странная деревенская девушка Хайтан его не особо привлекала, но по какой-то неясной причине он чувствовал себя расслабленно, когда вот так шёл с ней рядом и болтал ни о чём.

Получив ещё одну жизнь, Фань Сянь всегда мечтал испытать множество интересных вещей, познакомиться со множеством интересных людей, и в этот раз он отправился за границу в Северную Ци — во многом для того, чтобы удовлетворить свои духовные потребности. Хотя по дороге ему пришлось иметь дело с заговором и подосланными убийцами, но для него это не представляло особого интереса. Другое дело — знакомство с такими личностями, как Янь Бинъюнь и Хайтан: уже одно это делало поездку стоящей.

— Слышала, что не так давно господин Фань встречался с господином Шэнь Чжуном? — тихо спросила Хайтан, отодвигая рукой висящую над дорогой зелёную ветвь дерева. Уже начиналось лето, но последние несколько дней сплошь лили дожди, поэтому летней жары не чувствовалось, деревья и цветы всё ещё выглядели по-весеннему.

Фань Сянь кивнул:

— Мы повздорили.

Он знал, что хотя Ку Хэ и независим от политики, его сила всегда склонялась в сторону вдовствующей императрицы, поэтому он догадался, по какой причине Хайтан задала этот вопрос.

— Повздорили? — Хайтан слегка улыбнулась, на её совершенно непримечательном лице появилось бесконечно нежное выражение. — Мне просто любопытно: вы, господин Фань, так поспешно состряпали то предложение — неужели не опасаетесь, что об этом станет известно на юге и это подмочит вашу репутацию чиновника?

У Фань Сяня сердце ёкнуло, но на лице ничего не отразилось:

— Я не очень понимаю, что барышня имеет в виду.

Хайтан ответила:

— Вдовствующая императрица оказалась очень тронута вашим предложением.

Лицо Фань Сяня слегка помрачнело, и он ответил:

— Барышне Хайтан, должно быть, известно, что эти дни я оставался дома и никого не принимал. И я сразу же согласился с вами прогуляться, как только вы пригласили, потому что хотя на переправе У вы однажды уже проявили себя, но, будучи талантом выше этого мира, вы не стали бы обсуждать эти мирские скользкие вопросы... Барышня Хайтан, вы меня разочаровали.

— Если бы я не упомянула об этом, то боюсь, господин Фань Сянь оказался бы разочарован ещё сильнее. — Цветистая речь Фань Сяня, конечно, не могла обмануть ясный ум Хайтан. — Вдовствующая императрица приглашает вас во дворец.

Фань Сянь усмехнулся, уважительно сложил руки и ответил:

— Спасибо барышне Хайтан за то, что она взяла на себя труд передать приглашение.

— Господин Фань ранее говорил, что правда — это путь Неба, а поступать по правде — это путь Человека. — Прозрачные, как драгоценные камни, глаза Хайтан заставили Фань Сяня на мгновение растеряться. — Если их пути уже известны, то почему бы не следовать им? Служить людям правдой, разве это не легко?

Фань Сянь глубоко втянул воздух, медленно запустил в теле движение своей причудливой жёсткой истинной ци и, противостоя давлению, исходившему от Хайтан, с улыбкой сказал:

— Служить людям правдой... Если говорить о правде великой и малой, то правда людей — это малый путь, а правда Вселенной — великий. Барышня Хайтан, если вы правдивы с людьми, то почему не расскажете мне, что за секрет скрывает Сяо Энь, что даже ваш учитель, который выше мирских дел, не смог остаться равнодушным.

— Правда Вселенной? — Уголки губ Хайтан немножко приподнялись. — Правда моего учителя — это правда вселенной, поэтому я не могу об этом говорить лишнего, просто секрет Сяо Эня позволил в течение двадцати лет сохранять его жизнь. Если бы о нём стало известно в народе, то, боюсь, в прошлые двадцать лет было бы много вселенской смуты.

Сердце Фань Сянь слегка вздрогнуло, ведь он знал о том, что не было известно другим. Исходя из этих слов Хайтан, неужели Священный храм был настолько опасным местом?

Отвлечённые беседы этих двоих не выходили за пределы всяческих мистических философских и теософских теорий. Всё равно основы философии и истории Фань Сянь освоил ещё в прошлой жизни, и ему достаточно было произвольно выбрать высказывания из теорий Дун Чжуншу, Лу Цзююаня или Ван Янмина, чтобы Хайтан испытала сильное изумление. Только много лет спустя, когда Хайтан, предаваясь воспоминаниям, начала упорядочивать изречения выдающегося поэта Фань Сяня, она обнаружила, что в то время этот молодой человек ничего по сути и не сказал.

По неизвестной причине в конце весны — начале лета в столице Северной Ци дожди неожиданно лились слишком обильно. Сначала яркие солнечные лучи весеннего солнышка немного пригревали, но тут налетел порыв прохладного ветерка — и уже дождевые капли полились на ветви дерева над головами этих двоих.

С первой дробью капель Фань Сянь раскрыл зонтик, который нёс с собой, над головой Хайтан. При обычных обстоятельствах, учитывая статус Фань Сяня, если при выходе из дома его заставал дождь, то, конечно, зонт над ним нёс подчинённый. Но сейчас они были только вдвоём, и даже чисто с точки зрения статуса, то, что он нёс для Хайтан зонт, было оправданным.

Улица постепенно мокла; Фань Сянь в полном спокойствии глядел по сторонам на то, как на улице люди пытались укрыться от дождя, а на самом деле внимательно наблюдал за походкой Хайтан. Сейчас под ногами у них разлилось целое море. Фань Сянь уже давно перестал идти походкой деревенской девушки и нарочно хотел посмотреть, как поступит Хайтан. Хайтан же шла как прежде.

Что поделать, Фань Сянь лишь пожал плечами и только тогда заметил, что хотя Хайтан и шаркала ногами по луже, но у неё под подошвой словно действовала невидимая сила, поддерживающая всё её тело: подошва и поверхность воды внезапно совсем не соприкасались. Подумав, Фань Сянь решил, что сам он ещё не достиг уровня, чтобы получить такой эффект, невольно усмехнувшись, он сказал:

— Хайтан скользит по воде.

Хайтан не стала обращать на него внимание и продолжила идти всё так же.

Фань Сянь вздохнул и сказал:

— Что-то мне не верится, что тебе приятно так идти по дороге.

— Мне не нравится этот Янь Бинъюнь, — вдруг сказала Хайтан.

— Думаю, что барышня Хайтан что в горах, что во Дворце живёт в уединении, должно быть, с гениальным Юнем из нашей Великой Цин особо и не сталкивались.

— Ради своей выгоды он прибегнул к хитрости и обманул женщину. Это Хайтан считает довольно бесстыдным.

— Мы чиновники, а не обычные простолюдины. — Фань Сянь заступился за Янь Бинъюня: ему не хотелось, чтобы мастер, уровень которого превосходит девятый, всю жизнь плохо думала о нём: — У нас нет выбора, и ради пользы государства Цин порой приходится делать подобное.

Хайтан сказала:

— Низость есть низость. Не используй больше пост чиновника для оправдания.

Фань Сянь слегка усмехнулся и ответил:

— Хотя если человек безжалостен, то он не обязательно герой, но если сердце слишком мягкое, то как жить в наше смутное время?

— Господин Фань полагает, что сейчас Поднебесная переживает смутные времена?

— Сердца и мысли людей в смятении.

— Господин Фань полагает, что смутные времена способны породить героя?

— Я не ищу того, чтобы утвердиться в роли героя, я лишь стремлюсь быть благородным мужем с чистой совестью.

За разговорами эти двое не заметили, как подошли к небольшому храму, и как раз в это время так совпало, что дождь, беспрерывно льющийся с неба, перестал. Это место в далёком

пригороде столицы было очень тихим, и вокруг не было ни души.

Лист с дерева опустился на каменную лестницу перед храмом.

Толкнув двери храма, чтобы медленно отворить, Фань Сянь увидел девушку, сидящую рядом с алтарным столиком, и на мгновение растерялся, а потом поклонился и сказал:

— Давно не виделись, барышня Сы.

Уголки губ Хайтан едва заметно приподнялись:

— Господин Фань хочет стать благородным мужем, но, как я и предполагала, оказалось, что он бережно относится к женщинам.

Фань Сянем с шорохом сложил мокрый зонт. Посмотрев на поднимающуюся, чтобы поприветствовать его, Сы Лили, он с улыбкой сказал:

— Безжалостный не обязательно герой, а отчего ж не мужественен тот, кто проявляет жалость?

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3483553>